

УДК 81.42

ББК 81

DOI 10.51955/2312-1327_2021_2_81

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ИНТЕРДИСКУРСА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

*Арте́м Алекса́ндрович Хаба́ров,
orcid.org/0000-0002-6459-4966,
кандидат филологических наук
ФГКВОУ ВО «Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации»,
ул. Б. Садовая, 14
Москва, 123001, Россия
lancelot567@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу лингвистического аспекта информационно-психологической войны в свете современных теорий и концепций в области исследования речевой деятельности, дискурса и когнитивной системы человека. В фокусе авторской концепции находится язык как инструмент идеологического воздействия, реализуемого в форме интердискурса как макроуровневой коммуникативной структуры, конститутивными единицами которой выступают поляризованные тематические дискурсы. На основе применения методов семантико-структурного, концептуального и прагматического анализа речи представителей государственной власти США устанавливаются функциональные критерии выделения интердискурса информационно-психологической войны. Результаты лингвистического анализа текстовых фрагментов демонстрируют валидность выделенных критериев и их гносеологическую ценность для исследования парадигмы системной войны коллективного Запада во главе с США с целью уничтожения интегрального потенциала государств-противников небоевыми средствами.

Ключевые слова: информационно-психологическая война, идеология, интердискурс, когнитивное воздействие, манипуляция сознанием.

FUNCTIONAL CRITERIA OF THE INTERDISCOURSE OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE

*Artyom A. Khabarov,
orcid.org/0000-0002-6459-4966,
candidate of philology (PhD),
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
14, Bolshaya Sadovaya Street
Moscow, 123001, Russia
lancelot567@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the linguistic aspect of information and psychological warfare in the light of modern theories and concepts in the research of speech activity, discourse and the human cognitive system. The author's concept focuses on the use of language as an instrument of ideological influence, mainly in the form of an interdiscourse, defined as a macro-level communicative structure that comprises polarized thematic discourses. Using semantic and structural analysis, conceptual and pragmatic analysis of speeches by US Government officials, the author establishes the typology of the interdiscourse of information and psychological warfare. The results of the linguistic analysis of the text fragments demonstrate the

validity of the selected criteria and their epistemological value to study the paradigm of the systemic warfare of the collective West led by the USA with the aim of destroying the integral potential of adversaries by non-combat means.

Keywords: information and psychological warfare, ideology, interdiscourse, cognitive influence, manipulation of consciousness.

Введение

Развитие мировой цивилизации сопровождается инновационными изобретениями человеческой мысли и достижениями научно-технического прогресса, которые неуклонно находят свое применение в военном деле. Информационно-техническая революция в теории и практике военного искусства продиктована метафизическим стремлением людей к совершенствованию орудий преобразования окружающей среды, что применимо и к человеческому языку как инструменту социального воздействия. Динамика развития способов и методов ведения войны небоевыми средствами отразилась на исследованиях речевой деятельности, актуализировав такие направления, как изучение военного (милитарного) дискурса, политического и масс-медиа дискурса, а также анализ речевых стратегий и манипулятивных технологий в СМИ, в сфере интернет-коммуникации и др. Закономерное появление тренда «лингвистического экспансионизма» в эпистеме гуманитарных наук предопределило потребность в формулировании типологических критериев, лежащих в основе понимания дискурса как лингвистического феномена, уже давно принятого «на вооружение» в качестве небоевого средства современной войны в сфере идеологии и психической деятельности.

В истории человечества война стала самым эффективным способом добычи и распределения ограниченных ресурсов, а военная мощь государства является главным фактором, который влияет на эффективность системы национальной безопасности. Импульсом в развитии теорий и концепций нетрадиционных форм и методов войны (*unconventional warfare*) в XXI веке стала планомерная апробация политических стратегий «мягкой силы» и «управляемого хаоса», алгоритмов рефлексивного управления системой государственной власти и социальными процессами, создание нейросетей, технологий искусственного интеллекта и обработки больших массивов информации. Вслед за С.И. Репко, мы рассматриваем современную войну как системное явление, представляемое в виде «деятельности по снижению интегрального потенциала противника непрямыми действиями, тайными и специальными операциями, экономической, финансовой, информационной, психологической, кибернетической, финансовой войной с целью навязывания паразитарных отношений по внешнему управлению финансами, ресурсами иностранного государства, его населением и сознанием людей» [Репко, 2012, с. 4-5].

Суть информационной составляющей системной войны сводится к «прорыву психологической защиты общества и продвижению диссонирующих фактов и интерпретаций с периферии общественной саморефлексии в

центральное ядро модели мира, с целью разрушения системы ценностей общества, его дестабилизации на духовном, политическом и экономическом уровнях» [Соколова, 2007, с. 14]. Дефиниция войны «на полях сознания» в русле исследований отечественной политической лингвистики концентрируется вокруг «противоборства сторон, которое возникает из-за конфликтов интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного воздействия прежде всего с помощью языковых средств на сознание противника (народа или какой-либо его страты) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также путем применения мер информационно-психологической защиты от такого воздействия с противоположной стороны» [Колмогорова и др., 2020, с. 12].

Семантическое поле концепта «информационно-психологическая война» (далее – ИПВ) экстраполируется на многие сферы речевой деятельности, выступая объектной областью исследования особенностей функционирования военного, политического, массмедиального, рекламного и других видов дискурса. В наши дни наблюдаются устойчивые тенденции появления новых дискурсивных практик, расширяющих межвидовую смысловую трансференцию институциональных дискурсов, инкорпорируемых в концептуальное поле войны. В свете вышесказанного мы выдвигаем **гипотезу** о том, что реальный замысел акторов идеологического воздействия, вербализуемый в военном дискурсе – дискурсе подавления и уничтожения, скрытно маскируется средствами вторичной номинации в тематически диверсифицированной форме интердискурса. Таким образом, **цель** исследования состоит в определении типологической характеристики вербальных форм ведения ИПВ в виде интердискурса с опорой на категориально-понятийный аппарат теории речевой деятельности, дискурсологии и когнитивистики.

Материалы и методы

В качестве материала анализа были выбраны англоязычные тексты официально-делового стиля на основе статей в газете «Гардиан» («The Guardian»), доктринальные документы Совета национальной безопасности США, нормативно-правовые акты правительства США и Республики Казахстан, а также научные монографии и статьи по политической лингвистике, теории дискурса и тематике лингвокогнитивных исследований в области идеологии. Текстовые фрагменты подвергнуты структурному, прагматическому и концептуальному видам анализа текста, объектом которого выступили типовые идеологические маркеры, функционирующие в современной англоязычной лингвокультуре.

Анализ и результаты

Теоретические основы исследования интердискурса ИПВ

В настоящее время ведущую роль в реализации стратегий по защите государственного и общественного строя играет лингвистический аспект обеспечения национальной безопасности, о чем свидетельствует, в частности, становление такого междисциплинарного направления исследований как

«лингвистика информационно-психологической войны». В отечественной и зарубежной лингвистике приводится относительно широкий ряд научных определений как информационной, так и психологической составляющих этого терминологического сочетания с позиций языкознания, политологии, культурологии и военной науки (А.Г. Караяни, А.В. Манойло, И.Н. Панарин, Г.Г. Почепцов, M. Libicki, H. Speier и др.). В общих чертах, речь идет о военном использовании языка, затрагивающем духовную и мыслительную сферы, восприятие и обработку информации как продукта деятельности, управление этими процессами и применение в военных целях, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта. Такие типовые черты вооруженных конфликтов второй половины XX века – начала XXI века, как «системность» и «гибридность», наглядно показывают инновационную сторону употребления языка как орудия воздействия. В современных психологических операциях используются некоторые жанровые подвиды военного дискурса, например, политический и новостной, с присущими им определенными языковыми средствами вторичной номинации, которые ориентированы на специфические составляющие индивидуальной и групповой психики целевой аудитории. Истинные цели и замыслы акторов когнитивного воздействия не указываются публично, применяется подмена понятий, маскировка имен и фальсификация, к примеру: *rules-based order* [US and China..., 2021] – «миропорядок, построенный на правилах» – геополитическая модель паразитирования США на других государствах; *family planning* [Program, Institute of Medicine..., 2009] – «планирование семьи» – популяризация беспорядочных половых связей и убийство нового поколения абортными; *PMESII (political, military, economic, social, informational, infrastructural)* [PMESII..., 2021] – ложный комплекс оценки интегрального потенциала государства-противника по шести сферам (политической, военной, экономической, социальной, информационной, финансовой («инфраструктурной») для проведения тайных операций), где маскируется главный объект – идейно-психологический и цивилизационный потенциал населения, оцениваемый по многим сферам и сотням параметров [Репко, 2012, с. 24-25].

Интердискурс ИПВ и «поляризация» тематических дискурсов

В эпоху тотальной глобализации применение языка в военных целях распространилось на все сферы жизни людей, синтезируя разнородные семиотические системы, гипертекстовые структуры и генерируемые на их основе дискурсы. Модель интердискурса ИПВ может быть представлена как гетерогенная совокупность поликодовых текстов и речевых практик, объединенных общим замыслом – замыслом идеологического воздействия на психику и сознание. Мы сознательно объединяем в едином понятии «интердискурс» тематические виды институциональных дискурсов в совокупности их жанрово-стилистического многообразия, подчеркивая универсальный характер функционирования в одной и той же социальной сфере разных видов дискурсов. В парадигме современной ИПВ для выполнения военных задач используются все формы и способы коммуникации, включая

разговорные формы речи в социальных сетях и новостные сообщения, информационно-аналитические передачи и ток-шоу, общественно-политические программы и экспертные дискуссии, научно-образовательный контент и многие другие ресурсы, транслируемые в масс-медиаальном пространстве. В качестве одного из базовых постулатов ИПВ можно выделить адаптивное применение силы и интенсивности информационного воздействия, характеризующееся «большой временной протяженностью, более широким спектром разрушительных воздействий, направленных на постепенное удушение и подрыв экономической, финансовой, военной и культурно-мировоззренческой сфер государства-жертвы» [Бартош, 2017, с. 92].

В свете вышесказанного мы считаем обоснованной делимитацию в семантическом поле традиционного понятия военного дискурса такой таксономической макроединицы, как «интердискурс ИПВ». Ведущая видовая форма экспликации интердискурса – «поляризованный» тематический дискурс, включающий устные и письменные формы массовой коммуникации в виде идеологизированных практик речевой интеракции. Феномен «поляризации» идентифицирует дискурс в качестве опосредованного инструмента системной войны, иными словами – как один из эффективных видов информационного оружия. Поляризация выражается в активации функционального потенциала коммуникативно-маркированных единиц речи в тематической дискурсной практике определенной сферы использования языка, например, в области науки, образования, экономики, политики и др. Используя термины синергетики, под поляризацией дискурса как самоорганизующейся системы мы понимаем нелинейную диссипативность, выражающуюся в развитии его функциональных подсистем в направлении к общему аттрактору, в роли которого может выступать аксиологическая интенция актора либо коммуникативный замысел. Применение понятийного аппарата синергетики при анализе структуры дискурса отражает методику подавления и захвата критически важных сфер интегрального потенциала государства-противника в мирное время [U.S. NSSD..., 1982, р. 3]. Под признаком поляризации мы предлагаем обозначить наличие «полюсов аттракции» – коммуникативно-маркированных дискурсивных единиц, вокруг которых аккумулируется функциональный потенциал дискурса в соответствии с моделью речемыслительного замысла актора. Главная задача манипуляторов интердискурсом ИПВ заключается в целенаправленной реализации макроуровневой стратегии вербального воздействия с применением средств вторичной номинации, играющих роль дискурсообразующих единиц. Основываясь на том, что синергетическое воздействие на сознание адресной аудитории базируется на механизме языковой имплицитности, мы предлагаем определить коммуникативной доминантой интердискурса ИПВ такое его свойство, как **эвокативность** (от лат. *evocare* – «вызывать»), которое проявляется при активации психокогнитивного механизма взаимодействия связанных структур знаний вследствие создания языковой формой дополнительных смысловых интерпретаций, коррелирующих с основным значением. Эвокативность в дискурсе тесно сопряжена с явлением интертекстуальности и прецедентности, а также когнитивным процессом

инференции, поэтому соотносится с прототипическими свойствами человеческого мышления и поведения. Так, на способность человека выйти за пределы буквального значения единиц речи указывал А.Р. Лурия: «на основании непосредственно наблюдаемого человек может делать выводы о том, что непосредственно не наблюдается» [Лурия, цит. по: Кубрякова, 1996, с. 34].

В парадигме ИПВ поляризованный дискурс эвоцирует векторное раскрытие имплицитного пространства плана содержания знака при инференции невыраженных в речи либо замаскированных средствами вторичной номинации смысловых значений, которые последовательно закладываются в языковое сознание массовой аудитории. На примерах ниже мы продемонстрируем манипулятивные технологии эвокации требуемых актору смысловых значений в поляризованном англоязычном дискурсе, который вербализуется высшими должностными лицами федерального правительства Соединенных Штатов Америки в ходе реализации внешнеполитического курса этой страны в новейший период истории.

Феномен эвокативности в дискурсивных практиках ИПВ

Проиллюстрируем эвокативные свойства интердискурса ИПВ на материале комментария к заголовку статьи в авторитетной газете «Гардиан» касательно содержания первых китайско-американских переговоров на уровне глав МИД после избрания Джо Байдена 46-м президентом США: «*Antony Blinken criticises China over Hong Kong and Xinjiang while his counterpart says US can no longer ‘speak to China from a position of strength’*» – «(Госсекретарь США) Энтони Блинкен критикует Китай из-за Гонконга и Синьцзяна в то время, как его коллега заявляет, что США больше не могут «говорить с Китаем с позиции силы» [US and China..., 2021] (здесь и далее – перевод автора). При контекстуальном анализе данного предложения хорошо видна оценочная коннотация предиката – глагола *to criticise* – «критиковать, осуждать» по отношению к *a priori* констатируемому факту нарушения прав человека в китайском г. Гонконге (в китайском звучании – «Сянган» (香港), город центрального подчинения в Китае, бывшая колония Британской империи) и в Синьцзяне (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики (СУАР), населенный этническими уйгурами, исповедывающими мусульманство). Топонимы «Гонконг» и «Синьцзян» приобрели устойчивый статус прецедентных феноменов, контекстуально ассоциирующихся в сознании целевой аудитории, особенно англоязычной, с нарушением прав человека, узурпацией власти, подавлением демократических свобод, что предопределяет аксиологическую характеристику данного высказывания. В приведенном фрагменте текста Китай показан как просящий больше не использовать силу в разговоре с ним, так как темпоральность высказывания, переданная синтаксической конструкцией *no longer* – «больше не» соотносится с действием, которое происходило раньше и имеет место быть на момент речи. Очевиден и функциональный аспект: в высказывании не приводится контраргументов китайского визави на конкретный упрек госсекретаря Э. Блинкена, показана

лишь парадигматическая замена объектного дополнения фактологического характера («в Синьцзяне и Гонконге соблюдаются права и свободы») более пространным клишированным выражением. В самом заголовке статьи наглядно отражается дискурсивная стратегия американской делегации по позитивной самопрезентации, подчеркивающая имиджевые характеристики США – моральное право осуждать кого-либо в силу правильности их взглядов. Здесь же подразумевается, что Китай в какой-то период находился в роли слабого и покорного партнера, с которым можно было «разговаривать с позиции силы», а сейчас он решил воспротивиться этому. Выделенные слова будут частотно употребляться в ходе последующих речевых действий с обеих сторон на всем протяжении диалогического общения, метафорически вызывая в сознании (эвоцируя) когнитивные единицы концептуального мышления и референтные семантико-структурные формы вербализации. Далее по тексту статьи – *Any hopes that the meeting, in Anchorage, would reset bilateral ties after years of tensions over trade, human rights and cybersecurity during Donald Trump's presidency evaporated...* – «*Всякие надежды, что эта встреча в Анкоридже перезапустит двусторонние отношения после нескольких лет напряженности в сфере торговли, прав человека и кибербезопасности в период президентства Трампа, они просто улетучились...*». В репликах главы китайской делегации Ян Цзечи – ответная апелляция: *The fact is that there are many problems within the United States regarding human rights* – «*Факт состоит в том, что в самих США много проблем, связанных с правами человека...*», «*US human rights issues were “deep-seated” ...they did not just emerge over the past four years, such as Black Lives Matter*» – «*проблемы с (соблюдением) прав человека в США имеют давнюю историю ... «и не возникли лишь за последние четыре года в виде движения «BLM» («жизни черных важны») и т.д.* [US and China..., 2021].

Как видно из текстовых примеров, семантико-синтаксическая структура вербализованной в речи мысли обусловлена эвокацией к смысловому полю опорных концептов, наиболее устойчиво связанных с топилом всего коммуникативного акта. В данном случае, в дискурсах коммуникантов репрезентативны повторы ряда кореферентных лексических единиц и выражений: «права человека», «свободы человека» (*human rights/freedom*) – «нарушения прав» как факт (*problems...regarding human rights=violation of rights*) – «нарушения прав и свобод» как место события (*US human rights issues* или *...criticises China over Hong Kong and Xinjiang*) и т.д. Импульс ретрансляции подобных коммуникативных событий распространяется в виде цепной реакции посредством масс-медиа и соцсетей, что позволяет составить семантико-когнитивную характеристику интердискурса в синхронном аспекте, идентифицировать ядерные и периферийные концепты на основе анализа вербальных форм их экспликации. Безусловно, изучение эвокативности речи базируется на интегративном анализе интердискурса в качестве объекта семиотического и лингвопрагматического исследования, а также как сложной самоорганизующейся системы.

В терминах динамического структурализма, где под предикацией понимается «коммуникативно-обусловленный перманентный взаимный переход бинарных структур» [Курдюмов, 2014, с.2], эвокативность прослеживается по динамике развития предикативной связи, обеспечивающей понятийно-смысловую целостность текста. Вербализованные ядерные концепты дискурса выступают в качестве топиков – предизируемых языковых структур, которым семантически кореферентны развернутые в речи предизирующие структуры – комментарии. В тексте анализируемой статьи «Гардиан» топиковые компоненты выражены такими словами, как *human rights* – «права человека», *democracy* – «демократия», *security* – «безопасность» и пр. Их характеристика происходит внутри всей структуры текста, от словосочетания до сферхфразового единства (абзаца), далее – в языковых структурах более высокого уровня. Продемонстрируем это на материале начального абзаца в речи советника президента США по национальной безопасности Джейка Салливана:

Secretary Blinken and I are proud of the story about America we're able to tell here about a country that, under President Biden's leadership, has made major strides to control the pandemic, to rescue our economy, and to affirm the strength and staying power of our democracy. We're particularly proud of the work that we've done to revitalize our alliances and partnerships, the foundation of our foreign policy. Just last week, President Biden hosted the Quad leaders' summit that spoke to the can-do spirit of the world's democracies and committed to realize the vision of a free and open Indo-Pacific. It is through partnerships like these that all of us can deliver progress and prosperity for our peoples. Secretary Blinken laid out many of the areas of concern, from economic and military coercion to assaults on basic values, that we'll discuss with you today and in the days ahead. We'll do so frankly, directly, and with clarity. These are the concerns that are on the minds of the American people, but it goes beyond that. We've heard each of these concerns posed from around the world – from our allies and partners to the broader international community during the intensive consultations we've undertaken in the last two months [US and China..., 2021].

Маркированные в тексте лексические единицы выражают периферийные семантические значения в смысловом поле ядерных концептов дискурса, выступающих в роли референтного топика предикационной цепи, управляющего текстовой структурой уровня сферхфразового единства. В частности, ядерный концепт *security* – «безопасность», эксплицитно обозначенный и в названии должности Д. Салливана (*assistant to the President for national security affairs (APNSA)* – «помощник президента (США) по вопросам национальной безопасности»), эвоцирует появление в речи форм внешнего опосредования ассоциируемых с данным концептом единиц знания. В нашем случае, в сознании актора отождествляются с национальной безопасностью следующие слова и их комбинации: *to control the pandemic* – «сдерживать пандемию», *to rescue our economy* – «спасти экономику», *and to affirm the strength and staying power of our democracy* – «подтвердить силу и стойкость нашей демократии» *to revitalize our alliances and partnerships* –

«**возродить** наши альянсы и **партнерства**» (атрибут дискурса воздействия – «присвоение» положительного концепта: «**наша** демократия», «**наши** партнеры, союзники») и др. Степень дистанцированности в смысловой периферии по отношению к ядерному концепту вариативна и зависит от особенностей языкового сознания, социокультурных и этнопсихологических характеристик речевого взаимодействия, узуальных норм языка и других факторов (сравните: *concerns* – «озабоченности» – *basic values* – «базовые ценности»).

Таким образом, в ходе текстового анализа реферируемой газетной статьи показаны принципы обеспечения когерентности поляризованного тематического дискурса, который является организационной единицей модели макроуровневого интердискурса ИПВ, распространяющегося в социальных сферах массовой коммуникации. Ретранслятором поляризованного дискурса как элемента макроструктуры может выступать как отдельный индивид в субъектном статусе, так и социальная группа, общественный институт, государственное образование. Реализация эвокативной функции дискурса предопределяется формированием в сознании рецептивной аудитории лингвокогнитивной среды, актуализацией пресуппозиции и напрямую зависит от формы экспликации в дискурсе речемыслительной стратегии актора. Манипулятивный эффект эвокации создается за счет выбора актором дискурса релевантных языковых средств, уточнения критериев их употребления с учетом структурно-семантических параметров коммуникативного кода (национального языка), стилистических и прагматических характеристик речи, социокультурных и этнопсихологических особенностей целевой аудитории.

Поликодовая дискурсивная суггестия

Одним из основных средств речевого воздействия поляризованного дискурса является манипуляция общественным сознанием на фоне не критического восприятия, то есть, суггестия. Ключевая задача актора суггестивного воздействия заключается в коммуникативном манипулировании вербальными структурами «опосредования», в роли которых выступают рационально скомбинированные языковые знаки (дискурс и его функциональные подвиды, креолизованный текст и любая другая интегративная структура опосредования). Суть применения поляризованного дискурса как информационно-психологического оружия состоит в эффективном захвате внимания целевой аудитории с дальнейшим задействованием психических процессов восприятия, мышления и воображения вокруг целостных образов, понятий и ценностей в моделируемой актором лингвокогнитивной среде. Восприятие поляризованного дискурса сопровождается идентификацией «когнитивных маяков» (например, ядерные концепты), активизацией психомеханизмов обращения к «нужному» знанию и его пробуждению, метафорическому переосмыслению, переложению на новые реалии, привитию нужных аксиологических характеристик. Результатом такой речемыслительной деятельности является ресистематизация имеющегося знания, приводящая к формированию новых фреймовых структур сознания (когнитивных моделей, сценариев, схем, пропозиций) с кореферентными ей

вербальными средствами репрезентации, с целью последующего якорения и генерации в рецептивном социокультурном пространстве. В качестве кульминационного этапа такого дискурсивного воздействия можно рассматривать доведение эмоционального состояния целевого адресата коммуникации до аффективного состояния, сопровождающегося активизацией контрольно-волевых усилий, включением инстинктивных механизмов защиты.

К примерам массовой дискурсивной суггестии в новейшей истории можно отнести поведение управляемых людских толп в череде цветных революций на Ближнем Востоке, в Северной Африке, государствах Латинской Америки и на постсоветском пространстве. Геополитические последствия развала СССР не только вызвали экономические и политические кризисы в бывших союзных республиках, но и, что особенно важно, ударили по одной из критических сфер воздействия – ментальной, нанесли сокрушительный урон духовно-нравственной и социокультурной сферам общественной жизни. Свидетельством факта «мягкого» культуроцида как направления системной войны служит языковая политика по вытеснению русского языка и культуры, проводимая на Украине, в странах Прибалтики, ряде кавказских и среднеазиатских государств. Реалии политической жизни в странах, находившихся в составе Советского Союза или орбите его влияния, демонстрируют практику государственного регулирования в интеллектуально-образовательной среде посредством внедрения унифицированных норм и стандартов национального языка.

В качестве примера можно привести латинизацию молдавского, азербайджанского, узбекского, казахского языков с переводом алфавита взамен кириллицы на латинскую графику. К слову, в казахском языке латиница не позволяет отразить многие звуки, вынуждая использовать диакритические знаки, и в целом, «латиница менее удобна, чем кириллица, поскольку в обычном английском алфавите 26 букв, в русском – 33, а в казахском – 42», то есть, «возможности обычного английского алфавита меньше русского примерно на 27 %, а по сравнению с казахским – на 62 %» [Бахтоваршоев, 2020, с. 72]. Более того, полный отказ от кириллического письма приведет к разрыву поколений, утрате доступа к актуальным знаниям, кодифицированным на русском языке, который по-прежнему выступает в роли акролекта во многих регионах Казахстана, являясь вторым по числу носителей и первым по владению и уровню распространения языком [В Казахстане государственным..., 2010]. В национальной стратегии развития страны «Казахстан-2050» приводится следующая аргументация такого решения по реформированию казахского языка: «...это создаст условия для нашей интеграции в мир, лучшего изучения нашими детьми английского языка и языка интернета, и самое главное – это даст толчок модернизации казахского языка» [Стратегия «Казахстан-2050»..., 2012]. Очевидно, что несмотря на значительно больший модернизационный потенциал кириллицы, унификация казахской письменности по западным стандартам, популяризация английского языка в связке с форсированным вытеснением русского языка и связанного с ним научного, исторического и культурного наследия приведут к расширению

англоязычного информационного фона и нарастающей интерференции в традиционную лингвокультуру с последующей генерацией нерусскоязычных интердискурсов в казахском масс-медийном пространстве. Синергетический эффект усиливается употреблением в дискурсе представителей национальных элит и творческой интеллигенции коммуникативно-маркированных идеологом, зачастую эвоцирующих «ложные реминисценции». Для примера проиллюстрируем фрагмент речи А. Капышева, выступавшего с экспертной оценкой языковой реформы в официальных СМИ Казахстана: «...перевод казахской письменности на латинскую графику означает смену **советской (колониальной) идентичности**, которая во многом еще доминирует в национальном сознании, на суверенную (казахскую) идентичность» [Переход на латиницу..., 2017]. Косвенное упоминание актора дискурса о периоде «*советской (колониальной) идентичности*» создает в сознании адресата не соответствующую действительности ассоциацию с якобы колониальным, то есть, подчиненным положением Казахстана по отношению к «метрополии» – государству СССР со столицей в г. Москве, а следовательно, к России. В данном случае мы видим наглядную манипулятивную технологию, основанную на психокогнитивном механизме метафоры: ложное отождествляется как истинное на основе оценочно-смысловой интерпретации контекста, мишень воздействия – Россия.

Ряд исследователей относит политические меры языкового регулирования к стратегии применения концентриального оружия как высшей формы информационно-психологического воздействия на сознание (Ю.В. Громько, Ю.В. Крупнов, Е.Д. Паршакова). Вслед за Ю.В. Громько, среди основных способов разрушения сознания выделим следующие: поражение тканей мозга, снижающее уровень функционирования сознания; понижение уровня организации информационно-коммуникативной среды на основе ее дезинтеграции и примитивизации; разрушение форм и способов идентификации личности, приводящее к смене форм самоопределения и деперсонализации [Паршакова, 2012, с. 32]. Указанные выше аспекты психокогнитивного воздействия не могут не отражаться в речемыслительных стратегиях акторов поляризованных дискурсов воздействия в парадигме ИПВ, что дает возможность опознавать их типологические маркеры. Трансцендентный характер подобных дискурсов зиждется на явлении интертекстуальности, объединяющем в себе взаимодействие в социокультурном пространстве различных семиотических систем.

Функциональные критерии интердискурса ИПВ

Таким образом, к типовым критериям дефиниции интердискурса ИПВ мы предлагаем отнести следующие когнитивно-семиотические и функциональные характеристики:

– эвокативность (воздействие на сознание, реализуемое имплицитно в форме семиотической контаминации с целью порождения сложных интенциональных смыслов при интерпретации полисемичных знаков;

обуславливает динамику развертывания предикативных цепей в ходе речевой интеракции);

– иррациональность (объектное воздействие через субъекта, использование методик рефлексивного воздействия);

– аффективность (таргетированность на перцептивный уровень восприятия (чувства, эмоции и ощущения) с проецированием на идеально-духовную (ментальную) сферу жизнедеятельности как критически важную сферу воздействия);

– синергетичность (достижение кумулятивного эффекта воздействия в динамике процесса самоорганизации, использование совокупного потенциала дискурсивной среды с целью усиления «коммуникативного импульса»);

– метафоричность (лингвокогнитивное манипулирование путем смысловой и оценочной интерпретации языковых стереотипов, моделей концептуализации и категоризации (к примеру, оппозиции «свой-чужой») с учетом национально-культурной идентичности адресатов речи и специфики их языкового сознания);

– трансцендентность (интертекстуальность; перманентная генерация референтных дискурсивных суперструктур в парадигме общего макродискурса на основе ядерных концептов).

Идентификация коммуникативных маркеров интердискурса ИПВ в пространстве масс-медиа отражает внедрение в теорию гибридных войн алгоритмов управления, разработанных в рамках адаптивных стратегий «управляемого хаоса». Манипулятивное применение дискурсивных стратегий преимущественно выражается в хаотизации сознания адресной аудитории, «размывании» когнитивных способностей и нравственно-ценностных установок, «приспособлении замысла информационных операций к трудно прогнозируемым и изменяющимся внешним и внутренним условиям для достижения цели с требуемой эффективностью» [Бартош, 2017, с. 90].

Лингвоментальным инструментом воздействия в ИПВ, ее «оружием», будет выступать интердискурс, моделируемый как макроуровневая структура в форме поляризованных дискурсивных практик. В ходе геополитического противоборства соперничающих сторон интердискурсивное употребление в речи приобретают слова и выражения с подчеркнутой идиоматичностью (выделенные в примерах выше): *democracy* – демократия, *human rights* – «права человека», *rules-based order* – «мировой порядок, основанный на правилах» и пр.). Следует заметить, что в современной англоязычной лингвокультуре упомянутые лексические единицы имеют статус дискурсообразующих концептов в силу своей частотности в речи. В свою очередь, на дискурсообразующих концептах базируются речемыслительные стратегии воздействия, затрагивающие когнитивную сферу общего знания с учетом психологических особенностей менталитета социальных групп и этносов.

Заключение

Борьба за власть и ресурсы предопределила возникновение военного дискурса как особого типа речевой деятельности. В современную эпоху тотальной глобализации, технологий обработки больших данных, создания нейросетей и искусственного интеллекта теория и практика войны проникла во все сферы взаимодействия духовного и материального начал человека. Эволюционный переход к новым формам и способам ведения системной войны в период новейшей истории привнес инновации в методики ментально-идеологического воздействия, что отразилось на жанрово-стилевой структуре тематических видов военного дискурса и предопределило возникновение новых, конвергентных практик речевой коммуникации. Скрытое воздействие в сфере идеологии и психики стало одним из магистральных направлений системной войны, что обусловило формирование интердискурса ИПВ как перфектной модели воздействия на сознание посредством психолингвистических механизмов речевой интеракции. Концептуальной доминантой интердискурса как средства воздействия на идеологию и психическую сферу выступает понятие «война», которое с позиций синергетики моделируется как сложная система с различающимися контурами управления и принципами организации. В диахронном рассмотрении феноменология интердискурса рефлектирует обусловленную научно-техническим прогрессом эволюцию семантического поля понятия «война» и смежных с ним ментальных единиц.

В национальных лингвокультурах, научных школах и направлениях отдельных стран и регионов мира присутствуют контрастные характеристики и параметры военного дискурса, что обусловлено как военным фактором, так и историческими, социокультурными, политическими, экономическими и иными причинами. Военный дискурс как институциональный речевой феномен мы характеризуем как один из тематических видов поляризованного дискурса идеологической направленности, функционирующего как форма экспликации макроуровневого интердискурса ИПВ. По нашему мнению, перспективу исследования вербальных форм воздействия на сознание и психику людей составляет изучение феноменологии тематических дискурсов идеологической направленности в рамках интегративного подхода с применением методологии лингвистической синергетики.

Библиографический список

- Бартош, А. А.* Адаптивные стратегии информационной войны (Часть 1) // Вестник Академии военных наук. 2017. №1 (58). С. 55-62.
- Бахтоваршоев, А. Ш.* Прогноз возможных последствий перехода на латинский алфавит в Казахстане // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 1. С. 71-77.
- В Казахстане государственным языком владеют 64,4% населения. [Электронный ресурс]. – 2010. URL: <https://www.zakon.kz/190095-v-kazakhstane-gosudarstvennym-jazykom.html> (дата обращения: 26.03.2021).
- Колмогорова, А. В.* Актуальные проблемы лингвистики информационно-психологической войны: краткий аналитический обзор / А. В. Колмогорова, Г. А. Копнина,

- А. П. Сквородников. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 10-20.
- Кубрякова, Е. С. Инференция. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 33-35.
- Курдюмов, В. А. Китайский язык как идеальный / экзистенциальный объект лингвистики. // 108-е заседание регулярного теоретического семинара «Проблемы рациональной философии». Тезисы выступления. – 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2014/18_03_2013_kurdumov.pdf (дата обращения: 26.03.2021).
- Паршакова, Е. Д. Информационные войны: учеб. пособие. Краматорск: ДГМА, 2012. 93 с.
- Переход на латиницу – правильный шаг, отвечающий национальным интересам государства. – 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/4886284-perehod-na-latinitsu-pravilnuu-shag.html> (дата обращения: 26.03.2021).
- Ренко, С. И. Национальная безопасность: монография. М.: Академия геополитики, 2012. 290 с.
- Соколова, А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. / А.М. Соколова. Красноярск, 2007. [Электронный ресурс]. – 2007. URL: <https://www.dissercat.com/content/informatsionnye-voiny-u-usloviyakh-globalizatsii-sotsialno-filosofskii-analiz> (дата обращения: 26.03.2021).
- Стратегия «Казахстан-2050». Назарбаев А.Н. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 26.03.2021 г.).
- Program, Institute of Medicine (US) Committee on a Comprehensive Review of the HHS Office of Family Planning Title X.; Butler, Adrienne Stith; Clayton, Ellen Wright. *Overview of Family Planning in the United States*. National Academies Press (US). [Электронный ресурс]. – 2009. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B8>. (дата обращения: 26.03.2021 г.).
- PMESII Research Analysis Framework [Электронный ресурс]. – 2021. URL: <https://pavilion.dinfos.edu/Template/Article/2156908/pmesii-pt-research-analysis-framework/> (дата обращения: 26.03.2021).
- US and China publicly rebuke each other in first major talks of Biden era. The Guardian. [Электронный ресурс]. – 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/mar/19/us-china-talks-alaska-biden-blinken-sullivan-wang> (дата обращения: 25.03.2021 г.).
- U.S. National Security Strategy. NSDD № 32/ 20.5.1982 [Электронный ресурс]. – 2009. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-32.pdf> (дата обращения: 26.03.2021 г.).

References

- Bakhtovarshoev, A. Sh.* (2017). Forecast of the possible consequences of the translation to the Latin alphabet in Kazakhstan. *Journal of the Belarus State University. Sociology*. № 1: 71–77. (in Russian)
- Bartosh, A. A.* (2017) Adaptive strategies of information warfare (Part 1). *Bulletin of the Academy of Military Sciences*. №1 (58): 55-62. (in Russian)
- Kolmogorova, A. V., Kopnin, G.A., Skovorodnikov. A.P.* (2020). Actual problems of linguistic of information-psychological warfare: a brief analytical review. *Linguistics of information-psychological war: monograph*. Part III. Krasnoyarsk: Sib. Fed. University: P. 10-20. (in Russian)
- Kurdyumov, V. A.* (2014). Chinese language as an ideal/existential object of linguistics. // 108th meeting of the regular theoretical seminar “Problems of rational Philosophy”. Speech theses.

URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2014/18_03_2013_kurdumov.pdf (in Russian)

Kybryakova, E. S. (1996). Inference. Concise dictionary of cognitive terms / managing editor E. Kybryakova. Moscow State University. P. 33-35. (in Russian)

Parshakova E. D. (2012). Information wars. Kramatorsk: DSMA. 93 p. (in Russian)

Repko, S. I. (2012). National security. Monograph. Moscow, Academy of geopolitics. 290 p. (in Russian)

PMESII Research Analysis Framework – 2021. URL: <https://pavilion.dinfos.edu/Template/Article/2156908/pmesii-pt-research-analysis-framework/> (in English).

Program, Institute of Medicine (US) Committee on a Comprehensive Review of the HHS Office of Family Planning Title X.; Butler, Adrienne Stith; Clayton, Ellen Wright. *Overview of Family Planning in the United States*. National Academies Press (US). – 2009. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B8. (in English).

Sokolova, A. M. (2007). Information wars in the context of globalization: social and philosophical analysis. URL: <https://www.dissercat.com/content/informatsionnye-voiny-v-usloviyakh-globalizatsii-sotsialno-filosofskii-analiz> (in Russian)

Strategy «Kazakhstan -2050». Nazarbayev A.N. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. – 2012. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (in Russian).

The transition to the Latin alphabet is the right step that meets the national interests of the State. – 2017. URL: <https://www.zakon.kz/4886284-perehod-na-latinitu-pravilnyy-shag.html> (in Russian).

US and China publicly rebuke each other in first major talks of Biden era. The Guardian. – 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/mar/19/us-china-talks-alaska-biden-blinken-sullivan-wang> (in English).

U.S. National Security Strategy. NSDD № 32/ 20.5.1982 – 2009. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-32.pdf> (in English).

64,4% of the population of Kazakhstan can speak the state language. – 2010. URL: <https://www.zakon.kz/190095-v-kazakhstane-gosudarstvennym-jazykom.html> (in Russian).